

ГОСИННИ

САМПЕ

Малыш Николя в школе

Рене Госинни
Мальш Николая в школе
Серия «Мальш Николая»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014334
Мальши Николая в школе: рассказы / Р. Госинни: Махаон, Албука-Антикус; Москва; 2017
ISBN 978-5-389-12666-4

Аннотация

В книгу вошли новые истории из жизни Николая – симпатичного мальчугана, полюбившегося уже многим читателям. Вместе со своими друзьями Эдом, Жоффруа, Руфюсом, Мексаном и Альцестом он выдумывает забавные игры, проказничает на уроках и переменках (за что, конечно, получает наказание), гоняет в футбол, ссорится с друзьями и тут же мирится, ведь совершенно невозможно долго находиться в ссоре со своими лучшими друзьями... Много интересного происходит в жизни Николая и его весёлой компании! Обо всём – в этой замечательной книжке.

Содержание

Снова в школу	8
«Непобедимые»	20
Столовая	28
Тёплые воспоминания	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рене Госинни

Малыш Николя в школе

Художественные образы, сюжеты придуманы Рене Госинни и Жан-Жаком Сампе. Права на товарный знак сохранены за издательством IMAV.

© 2004 IMAV éditions / Goscinny-Sempé

© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

* * *

Жильберту Госинни

Я совершенно не помню свою первую встречу с Жан-Жаком Сампе, потому что знала его всегда. Я была маленькой девочкой, и его смех, вторящий смеху моего отца, звучит у меня в ушах до сих пор. И могу заявить, что у Жан-Жака Сампе есть общее с малышом Николя: они оба – часть моего детства.

Эта история начинается в середине пятидесятых годов. Сампе рассказывает: «Однажды я встретил Рене Госсини, который только что вернулся из Соединённых Штатов. Мы

сразу стали друзьями».

Друзья – вот ведущее слово той вселенной, которую им вместе предстояло создать.

Действительно, каждую неделю с 1959 по 1965 год мой отец и Сампе выпускали одну историю для газеты «Сюд-Уэст Диманш».

Чтобы написать и изобразить приключения малыша Николая, двое мужчин делились своими детскими воспоминаниями... Талант творцов подарил нам ощущение, будто мы сами пережили приключения Николая.

Отец не успел рассказать мне о своём детстве, а моё закончилось с его смертью.

Когда мой отец ушёл, Сампе остался верен их дружбе. У него сохранились дружески тёплые отношения с моей матерью, и, когда мы обедали вместе с Жан-Жаком, я часто слышала их смех.

Но изданы были не все истории... И Жильберта Госсини, моя мать, задумала такой проект: подарить читателям возможность снова встретиться с Николаем и его друзьями, опубликовав неизданные рассказы об этом мальчишке, которого так все полюбили. Но жизнь снова распорядилась по-своему, и моя мать не успела осуществить свою идею.

Мы встретились с Жан-Жаком Сампе в ресторане в Сен-Жермен-де-Пре. Я показала ему первую вёрстку текстов своего отца с рисунками Сампе и смотрела, как он разглядывает собственную работу... сорок лет спустя... и улыбается (ка-

кая это была улыбка!). Он с энтузиазмом присоединился к моему проекту.

Мы вместе отправимся с Николая в школу. Мы оба возьмём его за руки.

После затянувшихся каникул знаменитый школьник не изменился. Вот истории, которые снова расскажут о нём. О нём и о его друзьях: Аньяне, Альцесте, Руфюсе, Эде, Клоте-ре, Жоакиме, Мексане... И о Жоффруа – тот, у кого очень богатый папа. И Николая впервые идёт к нему в гости, а там огромный бассейн и столовая размером с ресторан.

Но лучшим другом Николая остаётся толстяк Альцест, который всё время ест.

«– В сочельник, – сказал я ему, – у нас на ужине будут бабушка, моя тётя Доротея и дядя Эжен.

– А у нас, – сказал Альцест, – будет белая кровяная колбаса и индейка».

Я сама стала мамой маленького мальчика и маленькой девочки, поэтому и подумала, что пришла пора опубликовать эти скрытые от мира истории. Лучшего способа поговорить с детьми об их дедушке не придумать!

Но кроме этого личного мотива был и другой, вполне естественный. Неизданные рассказы о малыше Николая адресованы не только тем, кто много лет назад благодаря ему открывал для себя мир чтения, но и тем, кто узнал дорогу в школу совсем недавно.

Малыш Николая способен покорять и детей, и взрослых.

Для первых это будет счастливое знакомство, для вторых –
радостное узнавание.

Анн Госинни

Снова в школу

Мама сказала, что завтра мы пойдём покупать вещи для школы.

– А что надо? – спросил папа.

– Много всего, – ответила мама. – Новый портфель, штаны, ну и обувь.

– Опять обувь?! – закричал папа. – Это просто невозможно! Он что, её ест?

– Нет, но он ест суп и растёт, – сказала мама. – А вместе с ним растут и его ноги.

Назавтра мы с мамой пошли за покупками; из-за обуви мы немного поспорили, потому что я хотел баскетбольные туфли, а мама сказала, что купит мне пару прочных кожаных ботинок, и, если меня это не устраивает, мы вернёмся домой,

и папа будет очень недоволен.

Продавец в магазине был очень хороший: он заставил меня мерить кучу ботинок и объяснял маме, что они все отличные, но мама не могла решиться, а потом он принёс коричневые ботинки, которые ему очень нравились, и мама спросила, удобно ли мне в них, и я сказал – да, чтобы не расстраивать продавца, но на самом деле в них было немного больно.

Потом мама купила мне портфель, а с портфелем можно здорово повеселиться после уроков, когда кидаешь его в ноги ребятам и они падают, и мне не терпелось скорее увидеться с друзьями, а потом мама взяла мне короткие штаны, похожие на кобуру для пистолета, но вместо пистолета я получил точилку для карандашей, похожую на самолёт, ластик, похожий на мышь, карандаш, похожий на флейту, и ещё кучу всяких вещей, похожих на другие вещи, а со всем этим в школе тоже можно разные штуки вытворять.

Когда вечером папа увидел всё, что накупила мне мама, он сказал: «Надеюсь, ты будешь беречь свои вещи». И я сказал, что да, буду беречь. А я и так всегда берегу свои вещи, хотя точилка для карандашей сломалась ещё до ужина, когда я кидался ею в мышь, и папа рассердился и сказал, что после нашего возвращения я стал невыносим и что он ждёт не дожидаясь, когда начнутся занятия в школе.

Надо вам сказать, что занятия в школе начнутся совсем скоро, но мы, я, папа и мама, вернулись с отдыха давным-давно.

На каникулах было здорово, я классно повеселился. Мы отдыхали на море, я плавал далеко-далеко, правда; а на пляже я выиграл конкурс, и мне дали два иллюстрированных журнала и вымпел. А ещё я весь загорел на солнце; выглядел я классно.

Ясное дело, когда мы вернулись домой, мне хотелось показать друзьям, как я загорел, но перед школой всегда такая досада: приезжаешь, а с ребятами никак не встретиться. Альцест – это парень, который живёт ко мне ближе всего, мой лучший друг, толстяк, и он всё время ест – ещё не вернулся; Альцест каждый год ездит с родителями к своему дяде, тому, который мясник в Оверни. И каждый год он уезжает, когда полканикул уже прошло: надо ждать, пока его дядя сам вернётся из отпуска с Лазурного Берега. Правда, месье Компани, бакалейщик из нашего квартала, увидел меня и сказал, что я отлично выгляжу и похож на кусочек хорошо пропечённого хлеба со специями, и дал мне изюму и одну оливку, но это совсем не то, что друзья.

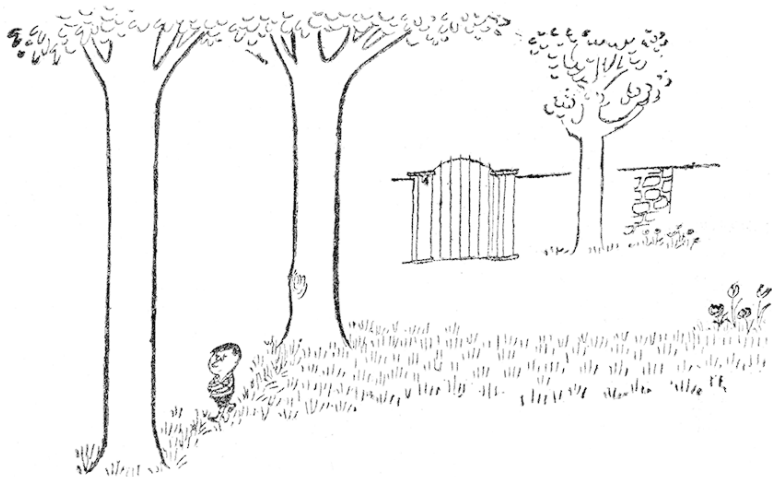
В конце концов, это нечестно, потому что если тебя ни-

кто не видит, то зачем тогда быть загорелым, и у меня было ужасное настроение, и папа сказал, что не надо разыгрывать эту ежегодную комедию и он не хочет, чтобы я вёл себя невыносимо, пока не начнутся занятия в школе.

– Когда начнётся школа, я уже буду совсем белым! – сказал я.

– Да это просто мания какая-то! – закричал папа. – Стоило нам вернуться с моря, как он думает только о своём загаре!.. Слушай, Николая, вот что мы сделаем. Ты будешь выходить в сад и загорать там. Во-первых, перестанешь меня доставать, а во-вторых, когда пойдёшь в школу, будешь как Тарзан.

Ну я и пошёл в сад, но там, конечно, не как на пляже, потому что нашли тучи.

И скоро меня позвала мама:

– Николая! Перестань валяться на траве! Ты что, не видишь – дождь начинается!

Мама сказала, что этот ребёнок сведёт её с ума, а папа – он хотел почитать газету – посмотрел на меня и сказал, что я достаточно загорел, и велел пойти вытереть голову, потому что я весь мокрый.

– Неправда! – закричал я. – Я совсем ещё не загорел! Я хочу опять на пляж!

– Николая! – крикнул папа. – Будь добр вести себя вежливо и прекрати говорить глупости! А не то отправишься к себе в комнату без ужина. Ясно?

Тогда я заплакал и сказал, что это нечестно, что я уйду из дома и один поеду на пляж и что я лучше умру, чем буду белым, а мама прибежала из кухни и сказала, что ей надоело весь день слушать эти вопли и что если отдых на море заканчивается так, то в следующем году она предпочтёт остаться дома, а мы с папой как хотим и ей всего этого не надо.

– Вообще-то это ты захотела, чтобы мы в нынешнем году опять поехали в Бен-ле-Мэр, – ответил папа. – И не я виноват, что у твоего сына такие причуды и после моря он становится невыносимым!

– Папа сказал, что если я буду в саду, то стану как Тарзан, – объяснил я. – Но я совсем не загорел!

Тут мама засмеялась и сказала, что загар у меня совсем ещё не сошёл, что я её маленький Тарзан и она уверена, что в школе я всё равно буду самым загорелым, что я могу пойти в свою комнату поиграть и она позовёт меня ужинать.

За столом я не хотел разговаривать с папой, но он строил мне такие рожицы, что я засмеялся, это было весело. Мама испекла яблочный пирог.

А на следующий день месье Компани сказал, что сегодня из отпуска возвращаются Куртеплаки. Месье и мадам Куртеплак – это наши соседи, их дом совсем рядом, и у них есть дочка, которую зовут Мари-Эдвиж, моего возраста, со светлыми волосами и голубыми глазами – такими красивыми!

Я вообще обалдел, мне очень захотелось, чтобы Мари-Эдвиж увидела, какой я загорелый, но я ничего не сказал папе, ведь папа предупредил, что если я ещё раз заговорю с ним о загаре, то пожалею об этом.

Было солнце, и я пошёл в сад, но время от времени бегал в ванную, чтобы посмотретья в зеркало, но коричневее не становился и подумал, что надо ещё разок попробовать, а если я так и останусь белым, то всё скажу папе.

И только я вышел в сад, как перед домом остановилась машина месье Куртеплака, а на крыше у неё была куча багажа.

Потом из машины вышла Мари-Эдвиж, и когда она увидела меня, то помахала рукой.

И я стал красный как рак.

«Непобедимые»

У нас будет своя банда! Это Жоффруа придумал. Он нам сказал на переменке, что прочитал книгу, в которой друзья собрали банду, а потом стали делать такие классные штуки: защищали людей от злодеев, помогали бедным, хватали бандитов – в общем, веселились вовсю.

– Банду назовём «Непобедимые», как в книге. Соберёмся после школы на пустыре, – сказал Жоффруа, – пароль будет: «Неукротимая смелость!»

Когда я пришёл на пустырь, Жоффруа, Руфюс, Эд, Альцест и Жоаким уже были там. Я немного задержался в клас-

се из-за учительницы, которая сказала, что у меня ошибка в задании по арифметике и мне надо сказать папе, чтобы он был внимательнее.

– Пароль? – спросил Альцест, суя мне в нос куски круасана (Альцест всё время ест).

– «Неукротимая смелость!» – ответил я.

– Проходи, – сказал он.

Пустырь – отличное место. Мы там часто играем – трава, кошки, пустые консервные банки, шины, старый автомобиль, хоть он и без колёс, зато в нём классно играть: вр-рум! вр-рум!

– Будем собираться в машине, – сказал Жоффруа.

Он меня насмешил, этот Жоффруа, – достал из своего портфеля маску, которую нацепил на глаза, чёрный плащ с буквой «Z» на спине и шляпу. У него папа очень богатый и всегда покупает ему игрушки и всё для переодевания.

– Ты прямо как клоун, – сказал я Жоффруа, и он обиделся.

– Это тайная банда, – сказал Жоффруа, – а раз я главарь, никто не должен видеть моего лица.

– Главарь? – спросил Эд. – Ты шутишь? С чего это ты главарь – разве потому, что в этой шляпе похож на гриб?

– Нет, месье, – сказал Жоффруа, – потому что это я придумал банду, вот почему!

Потом пришёл Клотер. Клотер всегда из школы уходит последним. Он учится хуже всех в классе, поэтому учитель-

ница вечно оставляет его после уроков и заставляет писать строчки.

– Пароль? – спросил Альцест.

– «Какая-то смелость», – ответил Клотер.

– Нет, – сказал Жоффруа. – Прохода нет. Это неправильный пароль.

– Что-что? – сказал Клотер. – А ну пропусти меня, толстяк!

– Ну нет, – сказал Руфюс. – Пройдёшь, когда назовёшь пароль, кроме шуток. Альцест, следи за ним!

– А я, – сказал Эд, – предлагаю выбрать главаря: аты-баты, шли солдаты...

– Ни за что! – сказал Жоффруа. – В книге главарём был самый храбрый и ловкий. Главарь – это я!

Тут Эд дал ему кулаком в нос! Эд такого не любит. Жоффруа сел на землю, схватился руками за нос, а маска съехала.

– Ах так, – сказал Жоффруа, – тогда ты не будешь в банде!

– Подумаешь! – сказал Эд. – Пойду домой и буду играть в свой электрический поезд!

И он ушёл.

– «Жуткая смелость»? – сказал Клотер, и Альцест ответил, что нет, это снова неправильный пароль и проходить нельзя.

– Ладно, – сказал Жоффруа. – Надо придумать, что нам делать. В книге «Непобедимые» полетели на самолёте, чтобы найти в Америке дядю одного маленького сироты, у которого

злодеи украли наследство.

– Я не могу улететь на самолёте в Америку, – сказал Жоаким. – Меня мама и на улицу-то одного не так давно пускает.

– Нам в банде трусы не нужны! – закричал Жоффруа.

Тогда Жоаким – вы бы его видели! – сказал, что он сильнее всяких там, что он храбрее всех и что раз так, то он уходит, но мы об этом пожалеем! И ушёл.

– «Здоровая смелость»? – спросил Клотер.

– Нет! – ответил Альцест, жуя шоколадную булочку.

– Все в машину! – сказал Жоффруа. – Будем обсуждать наши секретные планы.

Я был только рад, мне нравится сидеть в машине, хотя и больно от пружин, которые торчат из кресла, как у нас из дивана в гостиной, только он сейчас на чердаке, потому что мама сказала, что это позор, и папа купил новый.

– В машину так в машину, – сказал Руфюс, – только за руль сяду я и буду вести.

– Нет, это место главаря, – ответил Жоффруа.

– Я такой же главарь, как и ты, – сказал Руфюс, – и Николая прав: ты в этом наряде похож на клоуна!..

– Ты просто завидуешь, вот и всё, – сказал Жоффрау.

– Ну и ладно! Раз так, – сказал Руфюс, – у меня будет своя тайная банда, и это мы полетим в Америку помогать сироте.

– Нет! – закричал Жоффруа. – Это наш сирота, а не ваш!
Если хотите, ищите своего сироту! Кроме шуток!

– Это мы посмотрим! – сказал Руфюс и ушёл.

– Неукротимая! – крикнул Клотер. – Точно, неукротимая!

– Постой, – сказал Альцест. – Не шевелись. – И он повернулся к нам: – Так какой у нас пароль-то?

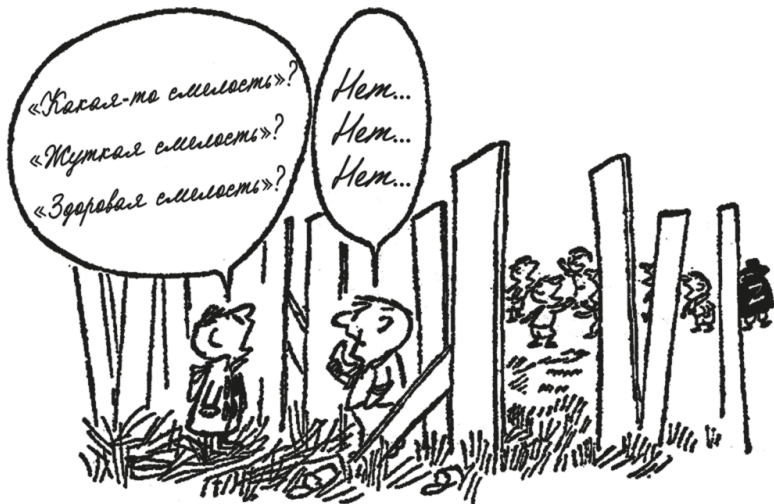
– Что?! – закричал Жоффруа. – Ты забыл наш пароль?!

– Да нет, что ты, – сказал Альцест, – просто этот дурак Клотер всё время говорит разные слова, и я запутался...

Жоффруа разозлился:

– Ну и прекрасная же у нас банда «Непобедимых», – сказал он. – Какие вы «Непобедимые»? Вы «Неспособные»!

– На что неспособные? – спросил Альцест.

Клотер всё-таки подошёл.

– Так мне можно пройти? – спросил он.

Жоффруа бросил на землю свою шляпу.

– Нет, нельзя! Ты не сказал пароль! У тайной банды должен быть пароль, как в книге! А кто не знает пароля, тот шпион!..

– Ты что! – закричал Альцест. – Думаешь, я тут всё время буду стоять и слушать ерунду, которую несёт Клотер? И вообще, у меня вся еда закончилась, мне надо домой, а то я и к ужину опоздаю.

И Альцест ушёл.

– С меня хватит!.. Раз так, вам всем нельзя проходить! –

закричал Жоффруа, плача под своей маской. – Вы не умеете играть, совсем! Я один... Это будет только моя банда «Непобедимых»! А с вами я больше не разговариваю!

Мы с Клотером остались вдвоём. Я ему сказал пароль; теперь он не был шпионом, и мы стали играть в шары.

Жоффруа это классно придумал – сделать банду. Я выиграл три шара!

Столовая

В школе есть столовая и есть такие, которые в ней едят, – их называют полупансионерами. Я и другие ребята – мы всегда ходим есть домой; из наших только Эд остаётся в школе на обед, потому что живёт довольно далеко.

Вот почему я очень удивился и совсем не обрадовался, когда папа и мама сказали, что завтра днём я буду есть в школе.

– Нам с папой надо кое-куда съездить, – сказала мама, – и нас не будет почти весь день. Вот мы и подумали, мой дорогой, что ты можешь разок пообедать в школе.

Я стал плакать и кричать, что не буду есть в школе, что это ужасно, что мне наверняка будет очень плохо, что я не хочу весь день торчать в школе, что если меня заставят, то

я заболею, уйду из дома, умру и все будут страшно обо мне жалеть.

– Ну вот что, дружище, – сказал папа, – будь благоразумным. Это всего на один раз. Надо же тебе где-то поесть, а мы не можем взять тебя с собой. И потом, то, что тебе дадут, будет очень вкусным, уж поверь.

Я заплакал ещё сильнее и сказал, что мне говорили о школьной еде, будто в ней полно жира, и что тех, кто не ест этот жир, бьют, и что я лучше вообще не буду есть, чем останусь в школе. Папа почесал голову и посмотрел на маму.

– Что будем делать? – спросил он.

– А что мы можем сделать? – сказала мама. – Мы уже предупредили школу, а Николая достаточно большой, чтобы вести себя разумно. Да и вообще, не будет ему там плохо; заодно научится ценить то, что у него есть дома. Ну же, Николая, будь умницей, обними маму и не плачь.

Я ещё немного подулся, но понял, что это не поможет. Тогда я обнял маму, потом папу, и они пообещали привезти мне кучу игрушек. Они оба были очень довольны.

Когда утром я шёл в школу, у меня в горле стоял огромный ком и очень хотелось плакать.

– Я сегодня останусь обедать в столовой, – заявил я друзьям, а они стали спрашивать, в чём дело.

– Классно! – сказал Эд. – Постараемся сесть за одним столом.

Но тут я разревелся, и Альцест дал мне кусок своего

круассана, а я от удивления перестал плакать, потому что в жизни ещё не видел, чтобы Альцест давал кому-нибудь хоть крошку от своей еды. А потом всё утро я уже и не думал о слезах – мы здорово веселились.

В полдень, когда все ребята пошли по домам обедать, у меня снова в горле встал ком. Я прислонился к стене и не захотел играть в шары с Эдом. Тут пробили часы, и мы построились рядами. Это было чудно, потому что на обед строятся не так, как на уроки, – все классы вперемешку, и ты встаёшь с типами, которых почти не знаешь. Хорошо ещё, Эд встал сразу за мной. Вдруг тот тип, что стоял впереди, обернулся ко мне и сказал:

– Сосиска, пюре, жаркое и заварной крем. Передай дальше.

– Здóрово! – крикнул Эд, когда я ему передал. – Заварной крем! Это классно!

– Потише там, в рядах! – крикнул Бульон, наш воспитатель.

Потом он подошёл к нам, увидел меня и сказал:

– А, так это правда! Сегодня с нами Николая!

Бульон погладил меня по голове, улыбнулся во весь рот и пошёл разнимать двоих из средних классов. Иногда он бывает классным, наш Бульон. Тут все двинулись вперёд, и мы вошли в столовую. Она довольно большая, стоят столы, и вокруг каждого – по восемь стульев.

– Давай бегом! – сказал Эд.

Я побежал с ним, но за его столом все места были заняты. Я растерялся, потому что не хотел сидеть за одним столом с незнакомыми. Тогда Эд поднял руку и позвал Бульона:

– Месье! Месье! Можно, Николая сядет со мной, а, месье?

– Конечно, – сказал Бульон. – Не будем же мы сажать нашего гостя куда попало. Базиль, уступите на денёк своё место Николая... Только спокойно, да?

Базиль – это тип из младшего класса – взял свою салфетку и прочие принадлежности и пошёл за другой стол. Я был рад, что сел с Эдом, мы с ним дружим, но есть мне совершенно не хотелось. И когда две женщины, те, что работают на кухне, понесли подносы с кучей хлеба, я взял один кусок, но только потому, что боялся – вдруг меня накажут, если я не возьму. А потом принесли сосиски, такие, как я люблю.

– Можно разговаривать, – сказал Бульон, – только не галдите.

И тут все сразу как заорали, а тип, который сидел напротив, стал нас смешить: скосил глаза и делал вид, что никак не может попасть сосиской в свой рот. А потом принесли жаркое с пюре, и хорошо, что снова раздавали хлеб, потому что им удобно вытирать соус.

– Кому добавки пюре? – спросила женщина.

– Мне! – закричали все.

– Спокойнее! – сказал Бульон. – А то я не разрешу разговаривать. Ясно?

После обеда все пошли во двор, и мы с Эдом играли в ша-

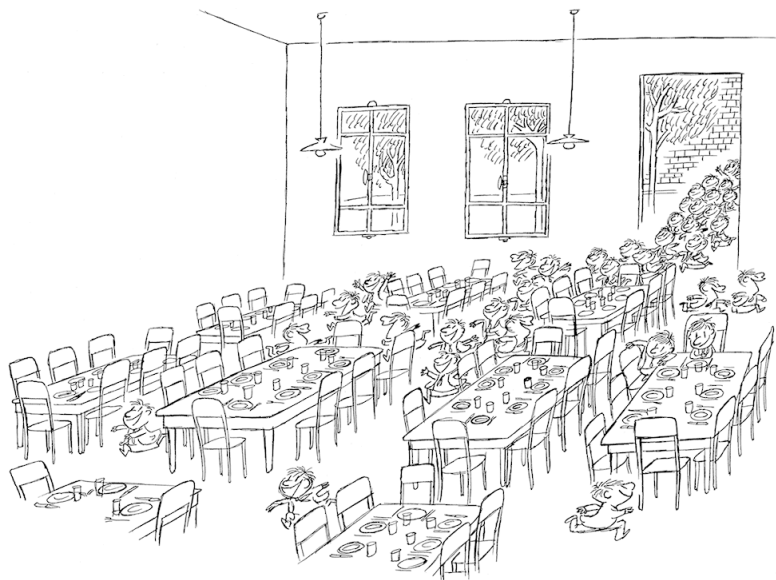
ры. Я выиграл уже три шара, и тут из дома вернулись ребята, и это было чудно, потому что, раз они пришли, значит, сейчас вроде бы утро.

Когда я пришёл домой, мама с папой уже вернулись. Я был очень рад их видеть, и мы обнимались без конца!

– Ну что, мой дорогой, – спросила мама, – с обедом всё было нормально? Что ты там ел?

– Сосиску, – ответил я, – жаркое с пюре...

– С пюре? – сказала мама. – Ах ты, мой бедный цыплёнок, ты же его ненавидишь и дома никогда не ешь...

– Ну, там пюре было классное, – объяснил я, – и ещё был соус, и один тип нас смешил, и я съел добавку.

Мама посмотрела на меня и сказала, что пойдёт разбирать чемодан и готовить ужин.

За столом мне показалось, что мама очень устала от поездки. А потом она принесла большое шоколадное пирожное.

– Смотри, Николая! – сказала мама. – Вот что мы тебе купили на сладкое!

– Шикарно! – закричал я. – Знаешь, а на обеде тоже было классно; мы ели обалденный заварной крем! Я его две порции съел, как и пюре.

Тут мама сказала, что у неё был трудный день, что все немного не в себе, что она оставит посуду на завтра, а сейчас сразу пойдёт спать.

– Мама что, заболела? – спросил я папу, мне стало неспокойно.

Папа рассмеялся, легонько похлопал меня по щеке и сказал:

– Ничего страшного, дружище. Думаю, ты за обедом съел лишнего.

Тёплые воспоминания

У нас сегодня за ужином будет гость. Вчера папа пришёл очень довольный и сказал маме, что случайно встретил на улице своего старого друга Леона Лабьера, которого не видел сто лет.

– Леон, – объяснил папа, – мой друг детства, мы вместе ходили в школу. Сколько у нас с ним тёплых воспоминаний!

Я его пригласил завтра на ужин.

Папин друг должен был прийти в восемь, но мы уже в семь были готовы. Мама меня как следует вымыла, одела в синий костюм и причесала, вылив на голову полно бриллиантина, потому что иначе у меня сзади на голове торчит хохолок. Папа надавал мне кучу советов, сказал, что я должен вести себя хорошо, что мне не надо говорить за столом, если меня не спрашивают, и что мне стоит внимательно слушать, что говорит его друг Леон, который, по папиным словам, очень крутой и здорово устроился в жизни, и что это было видно ещё в школе, и таких людей сейчас уже нет, и тут позвонили в дверь.

Папа пошёл открывать, и вошёл толстый мужчина с очень красным лицом.

– Леон! – закричала папа.

– Дружище! – закричал мужчина, и они стали лупить друг друга по плечам, но вид у них был очень довольный; у папы совсем не такой вид, когда они толкаются с месье Бледуром – это наш сосед, он очень любит дразнить папу.

Потом папа повернулся к маме, которая вышла из кухни и широко улыбалась.

– Это моя жена, Леон. Дорогая, это мой друг Леон Лабьер.

Мама протянула руку, и месье Лабьер стал трясти её руку и говорить, что он рад. Тогда папа показал мне, что надо подойти, и сказал:

– А вот и Николя, мой сын.

Месье Лабьер сделал очень удивлённый вид, свистнул и сказал:

– Да он же совсем взрослый! Просто мужчина! Ты ходишь в школу?

И он провёл рукой по моим волосам, чтобы их взъерошить, для смеха. Я заметил, что маме это очень не понравилось, особенно когда месье Лабьер посмотрел на свою руку и спросил:

– Чем вы поливаете голову этому карапузу?

– Правда, на меня похож? – спросил папа очень быстро, чтобы мама не успела ничего ответить.

– Да, – сказал месье Лабьер, – вылитый ты, только волос побольше, а живота поменьше.

И он засмеялся.

Папа тоже засмеялся, но не так сильно, а мама сказала, что можно выпить аперитива.

Мы уселись в гостиной, и мама подала всем аперитив; мне аперитива не досталось, зато мама позволила взять оливки и солёное печенье, а я их очень люблю. Папа поднял свой стакан и сказал:

– За наши общие воспоминания, старый добрый Леон!

– Мой старый друг, – сказал месье Лабьер и сильно хлопнул папу по спине, так что папа уронил стакан на ковёр.

– Ничего, – сказала мама.

– Да это сейчас высохнет, – сказал месье Лабьер, потом выпил свой аперитив и посмотрел на папу: – Забавно видеть тебя в роли старого папаши.

Папа уже снова наполнил свой стакан и отодвинулся немного подальше на случай новых хлопаний; он поперхнулся и сказал:

– Ну не такой уж и старый, не надо преувеличивать, мы с тобой одного возраста.

– Э, нет, – сказал месье Лабьер, – вспомни-ка, в классе ты был старше всех!

– Может быть, сядем за стол? – спросила мама.

Мы сели за стол, и месье Лабьер, который сидел напротив меня, спросил:

– А ты что молчишь? Тебя вообще не слышно!

– Нужно, чтобы вы меня спросили, тогда я смогу говорить, – ответил я.

Тут месье Лабьер начал хохотать без удержу, стал совсем красным, ещё краснее, чем перед этим; он изо всех сил хлопал ладонью, но на этот раз по столу, и стаканы делали: дзинь-дзинь... Когда он закончил смеяться, то сказал папе, что я невероятно хорошо воспитан, а папа сказал, что это нормально.

– Сам-то ты, если я правильно помню, вёл себя кошмарно, – сказал месье Лабьер.

– Бери хлеб, – сказал папа.

Мама принесла закуску, и мы начали есть.

– Ну что, Николя... – спросил месье Лабьер, потом проглотил то, что у него было во рту, и продолжил: – Ты хорошо учишься?

Раз меня спросили, я мог ответить.

– Пф-ф, – сказал я.

– А вот твой папа тот ещё был экземпляр! Помнишь, старина?

Папа отодвинулся от удара. Вид у папы был не такой уж довольный, но месье Лабьер всё равно засмеялся.

– Помнишь, как ты вылил пузырёк чернил в карман Эрнесту?

Папа посмотрел на месье Лабьера, посмотрел на меня и сказал:

– Пузырёк чернил? Эрнесту?.. Не помню такого.

– Да как же! – закричал месье Лабьер. – Тебя ещё на четыре дня отстранили от занятий! А история с рисунком на классной доске, помнишь? То же самое было!

– Не хотите ещё кусочек ветчины? – спросила мама.

– А что это за история с рисунком на классной доске? – спросил я папу.

Папа стукнул по столу и закричал, что он советовал мне вести себя за ужином хорошо и не задавать вопросов.

– История с доской – это когда твой папа нарисовал карикатуру на учительницу, а она вошла в класс, как раз когда он заканчивал рисунок! Учительница ему три «ноля» поставила! – рассказал месье Лабьер.

Я решил, что это очень смешно, но по папиному лицу понял, что лучше мне сейчас не смеяться. Я сдержался, чтобы

посмеяться потом, у себя в комнате, только это было совсем не легко.

Мама принесла жаркое, и папа стал его резать.

– Сколько будет семью восемь? – спросил меня месье Лабьер.

– Пятьдесят шесть, месье, – ответил я (вот повезло – как раз сегодня мы это проходили в школе!).

– Bravo! – закричал месье Лабьер. – Ты меня удивляешь, потому что твой папа в арифметике...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.